

DOI: 10.15393/j9.art.2019.6502

УДК 398.22

Мария Владимировна Кундозерова*(Петрозаводск, Российская Федерация)*

maria.vlasova@mail.ru

Образ мифической страны Похьёлы в карельских эпических рунах*

Аннотация. В статье рассмотрены мифологические истоки образа Похьёлы и выполнено целостное описание данного локуса на основе всех доступных вариантов эпических рун. К исследованию привлечено 234 фольклорных текста, опубликованных в разных источниках. В статье описана история изучения сюжета о путешествии в Похьёлу, так или иначе затронутая в работах зарубежных и российских исследователей. Текстологический и структурно-семантический анализ фольклорных произведений, в том числе лежащих в основе поэмы Э. Лённрота «Калевала», позволил выявить всю многозначность рассматриваемого образа. Мифическая страна Похьёла связывается с представлениями о далеком, потустороннем, загробном мире и стране изобилия. Способность хозяйки Похьёлы к перевоплощению в птичий облик указывает на ее связь с животным, иным миром, равно как и на связь с образом шамана, способного, перевоплотившись, путешествовать из одного мира в другой. Женская природа главного персонажа Похьёлы отражает матриархальное родоплеменное устройство общества, в мотиве выдачи дочери замуж за представителя иного мира проявляются отголоски экзогамных отношений. Похьёла вписывается в представления о горизонтальном устройстве мироздания, где локусы находятся в одной плоскости и разделены отрезком пути, водоразделом.

Ключевые слова: карельский эпос, мифология, потусторонний мир, образ Похьёлы, сампо, экзогамия, матриархат, Вяйнямйнен

Об авторе: *Кундозерова Мария Владимировна* — кандидат филологических наук, младший научный сотрудник сектора фольклористики с фонограммархивом, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (185000, Российская Федерация, Республика Карелия, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11)

Дата поступления: 20.01.2019

Дата публикации: 28.06.2019

Для цитирования: Кундозерова М. В. Образ мифической страны Похьёлы в карельских эпических рунах // Проблемы исторической поэтики. — 2019. — Т. 17. — № 2. — С. 7–29. DOI: 10.15393/j9.art.2019.6502

Как отмечал Е. М. Мелетинский, «древнейшая мифология в качестве некоего синкретического единства заключала в себе зародыши не только религии и древнейших философских

представлений (формировавшихся, правда, в процессе преодоления мифологических истоков), но также искусства, прежде всего — словесного» [Мелетинский, 2000: 7]. Продуктами словесного, поэтического творчества в равной степени являются как литература, так и фольклор, имеющие ряд характерных общих черт и различий. По мнению В. Я. Проппа, фольклористика в изучении фольклора как явления литературного порядка, «в своих описательных элементах — наука литературоведческая». При этом «фольклор обладает совершенно особой, специфической для него поэтикой, отличной от поэтики литературных произведений. Изучение этой поэтики вскроет необычайные художественные красоты, заложенные в фольклоре» [Пропп, 1976: 20].

Образ страны Похьёлы широко известен благодаря эпической поэме Элиаса Лённрота «Калевала», полная версия которой вышла в 1849 г. По замыслу автора, Похьёла становится основной страной-антагонистом Калевалы, в которой живут главные действующие лица поэмы. Герои неоднократно отправляются с разными целями из Калевалы в Похьёлу, и каждое путешествие, равно как и сама страна, описывается иначе. Это объясняется тем, что Лённрот объединил в образе Похьёлы представления о разных мифических локусах из народной эпической и заклинательной поэзии. Похьёла в поэме «Калевала» является собирательным образом, созданным на основе таких мифических стран, как Похьёла, Пяйвёля, Хийтола, Тапиола и др. При этом многие детали из народной поэзии остались неиспользованными автором поэмы. Данная статья посвящена исследованию мифологических истоков образа Похьёлы и ее целостному описанию на основе всей совокупности текстов карельских народных эпических рун, в том числе лежащих в основе поэмы «Калевала». При этом сама поэма не является предметом исследования, изучаются только фольклорные тексты.

Материалом исследования послужили образцы эпических рун цикла о сампо (Sampojakso) (138 вариантов) и «Состязание в сватовстве» (Kilpakosinta) (96 вариантов), записанные от карелов в XIX–XX вв. и опубликованные в разных источниках¹.

Карельские народные руны содержат повествования о путешествиях эпических героев с разными целями в иные локусы. Герои могут оказываться в чужих мирах ненамеренно, и во многих случаях они являются нежеланными гостями. Одним из самых известных и загадочных топосов, в который отправляются (или оказываются по воле случая) эпические герои, является Похьёла. Именно в ней происходят многие значимые события карельского эпоса. Здесь сватают невест; здесь создается волшебное сампо — нескончаемый источник муки, соли, денег и всяческих благ, приносящий процветание, пусть и краткосрочное, жителям страны; сюда снаряжают морской поход с целью похищения сампо. Попытка выкрасть его из Похьёлы заканчивается неудачей: во время морского сражения сампо разбивается на части и тонет в море.

Сюжет, повествующий о посещении Похьёлы героями, о создании и похищении сампо, лежит в основе цикла рун, который исполнялся рунопевцами в виде одного целого произведения. Согласно текстам, Лаппалайнен, таящий давнюю злобу на Вяйнямёйнена, подстреливает его коня, и Вяйнямёйнен падает в море, где продолжительное время плавает чуркой еловой / бревном сосновым, при этом создавая рельеф морского дна, а также мир из яйца, снесенного ему птицей на колено. Далее герой прибывает волной к берегу Похьёлы, хозяйка которой соглашается помочь страннику вернуться домой, если тот сможет выковать сампо. Вяйнямёйнен (в вариантах — кузнец Илмаринен, посланный Вяйнямёйненом вместо себя обманом) выковывает сампо и отправляется домой, прихватив с собой и его, и обещанную за работу невесту. Хозяйка Похьёлы пускается в погоню за похитителем, настигает корабль, где и происходит знаменитое сражение, в результате которого сампо гибнет. Согласно другой версии, героям не дает покоя мысль, что с появлением в Похьёле сампо этот темный, северный край стал жить в достатке и изобилии, и они отправляются в морской поход к берегам Похьёлы с целью выкрасть сампо. Еще одна версия карельских эпических рун повествует о том, как герои — Вяйнямёйнен и Илмаринен — наперегонки отправляются в Похьёлу сватать невесту, дочь хозяйки Похьёлы. При этом изготовление сампо является одним

из брачных испытаний жениха. Данный сюжет, названный «Состязание в сватовстве», исполнялся рунопевцами в качестве отдельной руны.

Образ Похьёлы, суровой, мрачной страны, противостоящей «этому» миру, в котором живут эпические герои, не раз становился объектом рассмотрения финляндских исследователей. Как отмечала А.-Л. Сиикала, «всех, кто пытался объяснить образ Похьёлы, можно поделить на два фронта: создателей истории и открывателей мифов» [Siikala, 1992: 132]. Представители исторического направления видели в сюжетах о путешествии в Похьёлу отголоски реальных исторических событий и в своих работах искали обоснование для соотнесения Похьёлы с той или иной реальной географической местностью (например, с Лапландией [Friis: 220], островом Готланд [Krohn, 1918: 114, 128], Южной Остроботнией [Luukko: 132], [Harva, 1947: 118] и др.). Недостатки исторического метода, при котором принимались во внимание выборочные аспекты содержания рун, а другие игнорировались, были преодолены дальнейшими научными изысканиями. Понимание карельского эпоса как совокупности мифологических повествований, а Похьёлы как мифической страны, не имеющей точных координат на современной карте, вышло на первый план и сегодня является преобладающей точкой зрения как в зарубежной, так и в отечественной фольклористике. Позиций мифологического направления в изучении карельских рун придерживается и автор предлагаемой статьи.

Качественному повороту в понимании мифологической основы образа Похьёлы послужило выявление соответствия данного образа широким мировым представлениям о загробном, потустороннем мире [Siikala, 1986: 84]. Еще на заре историко-географического изучения рунической поэзии Ю. Крон писал о мифологическом характере карело-финского эпоса, в том числе образа Похьёлы, и видел параллели в мифах других народов [Krohn, 1885: 410–428]. Вслед за ним отражение международных верований о загробном мире в образе Похьёлы отмечали У. Харва [Harva, 1947: 114–129] и И. Кемппинен [Kemppinen]. В работе финского лингвиста Е. Н. Сетяля, который одним из первых выступил с критикой исторического и историко-географического подходов

в изучении рунической поэзии, Похьёла интерпретируется в духе астральной мифологии как обитель / дом полярной звезды, которая отождествляется с сампо — мировым столпом, локализованным в Похьёле [Setälä: 536]. Данное положение было, в свою очередь, также подвергнуто критике [Okkonen: 37–39]. Сопоставительному анализу царства Похьёлы калевальских рун и страны троллей норвежских саг посвящена статья Н. Лида [Lid]. Выявлению представлений о «близком» и «далеком» загробном мире в образе Похьёлы и других мифических стран посвящена глава монографии А.-Л. Сиикала «Финский шаманизм» [Siikala, 1992: 132–152]. Образ Похьёлы, реконструирующийся на основе вокнаволокских рун, изучается в числе других образов и сюжетов в монографическом исследовании Л. Таркка [Tarkka, 2005: 301–307]. Отметим, что Похьёла так или иначе попадает в область рассмотрения в многочисленных работах, посвященных циклу рун о сампо и разгадке образа сампо [Krohn, 1903: 217–232], [Kuusi], [Harva, 1943], [Tarkka, 2012], [Frog], [Anttonen, 2002, 2012]. В российской фольклористике царству Похьёлы уделено крайне мало внимания. В работе Э. Киуру «Тема добывания жены в эпических рунах» проанализированы некоторые детали образа Похьёлы и ее жителей в руне «Состязание в сватовстве» (по определению Киуру «Сватовство в Похьёле») [Киуру: 50–54] и др. Общие черты мифической страны Похьёлы, характерной более для поэзии северных карелов, с мифической страной Хийтолой южнокарельских рун описываются в монографическом исследовании В. П. Мироновой, посвященном сюжету о сватовстве в Хийтоле [Миронова: 94–103]. Довольно общие замечания относительно Похьёлы, ее соответствия другим топосам, потустороннему миру можно встретить и в других работах [Мелетинский, 1963: 95–156], [Карху: 83–84], [Иванова: 55]. Данная статья станет первым шагом в российской фольклористике по обобщению представлений о мифической стране Похьёле и ее месте в карельской картине мира.

Карельский эпос является одним из архаичных эпосов мира, в основе которого лежат мифы космогонического характера, а также мифы о путешествиях в иные миры с разными целями, оваянные колдовством и магией. Наиболее популярным сюжетом

карельских рун является путешествие героя в чужой, неизведанный локус, хозяева которого подвергают гостя всяческим испытаниям. Наряду с другими мифическими странами, эпические герои карельского эпоса чаще всего отправляются в Похьёлу. Горизонтальный вектор движения от места проживания героя к дальнему локусу соответствует «центробежной» модели мифа, которую, как отмечает С. Ю. Неклюдов, архаический эпос и воспроизводит: «...изначально герой находится (родится, создан) в центре мира, который, как и в мифе, космичен, а не географичен; этническое, единственным воплощением которого является род и племя героя, интерпретируется как подлинно человеческое и противостоит демонической периферии, смиряемой и очищаемой богатырем» [Неклюдов: 119]. Потусторонний характер Похьёлы, противопоставленной изначальному миру эпического героя, выявляется уже при анализе способов попадания в нее путника, описание которых заслуживает отдельной публикации. Отметим, что согласно текстам рун, попасть в Похьёлу можно по воде (дрейфуя в открытом пространстве «бревном соновым» либо на лодке / челноке), по суше (верхом на животном, на санях) и по воздуху (на «лодке ветра»). Наиболее распространенным способом попадания в Похьёлу является преодоление водной преграды, осмысляемой традиционным рубежом между тем и этим мирами.

Описание Похьёлы, встречающееся в рунах на рассматриваемые сюжеты, будь то скитания Вяйнямёйнена по морским просторам или поездка с целью похитить сампо либо сосватать невесту, укладывается в следующую формулу, согласно которой герои попадают

“Pimieh om Pohjoil’ahе,	«В темную Похьёлу,
Tarkkahan Tapiolahe,	В мудрую Тапиолу,
Miehien šyöjähän kylähe,	В деревню, пожирающую мужей,
Urohon upottajahe”	Топящую героев» ²

(SKVR I₁ 58: 85–88)³.

Похьёла находится в дальнем конце Севера (Pohjom pitkähä perähä — SKVR I₁ 4: 70), в безымянном заливе (Lahteh nimettömähe, n’imen t’ietämättömähe — SKVR I₁ 62: 71–72).

Само слово «Похьёла» (Pohjola, в вариантах Pohjo, Pohja, Pohjoni, Pohjani) означает «север, северный край» [SSA: 383] и, как и лексема, обозначающая север как часть света (pohjoinen), является производным от лексемы pohja, в круг значений которой входит «дно, основание, конец чего-либо, север» [SSA: 383]. Известно, что у северных народов неизведанный потусторонний мир ассоциировался с самым севером, низом, дном, мраком и холодом, что отразилось и в карельских рунах. Похьёла представляется темным (pimie, pimettö), холодным (kylmä), мрачным (summa, suma), плохим местом (paaha paikka). Она противостоит тому краю, откуда герой прибыл. Это чужая земля, на которой герою все незнакомо:

“Jouvuim pois omilta mailta,	«Унесло из родных мест
Mailla muilla vierahilla,	На чужие земли,
Äkki ouvoilla ovilla.	К совершенно незнакомым дверям.
En tunne tupia näitä,	Не знаю этих домов,
Ošoa en ovissa käyvä”	В двери войти не умею»

(SKVR I₁ 58: 95–99).

Известная пословица, произнесенная Вяйнямёйненом по прибытии в Похьёлу, подчеркивает противопоставление свое—чужое:

“Paremp’ ois omalla moalla	«Лучше на своей земле
Juuva vettä ropehesta,	Пить воду из туюска,
Ennen kuin moalla vierahalla	Чем на чужой земле
Juuva tuopista olutta”	Пить из кружки пиво»

(SKVR I₁ 38a: 75–78)

Под влиянием христианской доктрины Похьёла представляется также «местами без попов, землями некрещеными» (paikat rapittomat, muat ristimättömät — SKVR I₁ 78: 39–40), владениями черта (Pirun pitkä perä — SKVR I₁ 105: 39), тогда

как своя сторона — «земли крещеные, места поповские» (maat ristityt, paikat papilliset — SKVR I₁ 97: 106–107).

Согласно большинству карельских рун, Похьёла — это деревня, маркированная знаками иного мира: это вечная обитель (ikišija, ikikylä), пожирающая и топящая героев; многие в нее отправились, но никто не вернулся. В некоторых вариантах Похьёла отождествляется с островом, на который выбирается Вяйнямёйнен после скитания по водам:

“Šoarehe šelällisehe, Mantereh on puuttomahe”	«На остров средь моря, На сушу безлесую»
--	---

(SKVR I₁ 58: 91–92).

На соотнесенность Похьёлы с островом часто указывает и определение собаки как собаки острова, которая своим лаем оповещает о прибытии путника, например:

“Siitä haukku soaren halli, Soaren lukki luskutteli”	«Залаяла острова собака, Острова пес загавкал»
---	---

(SKVR I₁ 21: 83–84).

Образ острова часто встречается в карельской рунической поэзии. На острове птица-демиург сносит яйца, служащие материалом для сотворения Вселенной; на острове посреди моря может произрастать большой дуб — символ мирового древа; на острове живет кузнец Илмаринен, участвующий вместе с Вяйнямёйненом в состязании при сватовстве в Похьёле; на далеком острове с девами скрывается провинившийся герой; на острове / мысу может происходить дележ сампо после его похищения. Помимо своей сакральной нагрузки, связанной с представлениями о первой земле и маркированием центра Вселенной, остров осознается как место жительства или временного пребывания героев эпоса. Соотнесение же Похьёлы, имеющей признаки потустороннего мира, с островом может основываться на представлениях о локализации иного мира на куске суши за водной преградой, что отразилось в древнем обычае карелов устраивать места захоронений на островах. Представления о безлесости острова Похьёлы может, с одной стороны, рождаться в противопоставлении своих,

плодородных земель скудным и безлесым землям чужой стороны. С другой стороны, безлесость, равно как и безымянность, является признаком потусторонности упоминаемого локуса. Песочные или глиняные гряды (*hietaharjut, šaviharjut*), которые видят путники, приближающиеся к Похьёле, порождают в сознании образ пустынного, необитаемого пространства иного мира.

Как отмечает Э. Киуру, в образе Похьёлы соединяются как более архаические черты, указывающие на принадлежность Похьёлы потустороннему пространству (нахождение на острове), так и более новые, несущие на себе печать средневековья [Киуру: 50]. Речь идет об отождествлении Похьёлы с городом / крепостью на основе определения, принадлежащего сторожевой собаке. В текстах встречается указание, что собака Похьёлы, уведомляющая своим лаем о прибытии гостей, не только островная, но иногда и «крепостная / городская» (*linnan > linna*, кар. «крепость, город»), например:

“*Sillon haukku suuri koira,* «Тогда залаяла большая собака,
Linnan luppa luskutteli” «Городская вислоухая загавкала»
 (SKVR I₁ 469: 155–156).

Сияющая каменная крепость / город упоминается и в одной из поздних записей наряду с воротами Похьё:

“*Jo näkyupi Pohjon portti,* «Уже видны ворота Похьё,
Kivilinna kuumottaupi” «Каменный город светится»
 (КЭП 60: 133–134)⁴.

Единожды в текстах упоминается остров Похьё, сверкающий золотом:

“*Jo näkyvi Pohjon soari,* «Уже виден остров Похьё,
Soari kulta kuumottavi” «Остров золотом светится»
 (SKVR I₁ 409: 24–25).

Золотой отблеск, сияние переносится и на ворота, которые видят герои, приближаясь к берегам Похьёлы:

“Portit Pohjolan näkyypi, «Ворота Похьёлы видны,
 Paistaapi pahat saranat, Сияют плохие петли (дверные),
 Pahan ukset ulvottaapi” Чертовы двери воют»
 (SKVR I₁ 54: 229–231).

Как отмечает Н. А. Криничная, «ворота служат метонимическим эквивалентом стены, знаком-символом огражденного пространства. <...> Одновременно ворота — знак “замыкания” и “размыкания миров”, знак коммуникации между бытием и небытием» [Криничная: 923]. Наличие ворот позволяет говорить о Похьёле как об огражденном месте, о локусе, имеющем пределы и границы. Сияющий золотом остров, горящие / сияющие, ассоциирующиеся с золотом петли на воротах выдают принадлежность Похьёлы иному измерению, ибо «золотая окраска есть печать иного царства» [Пропп, 1986: 285], а «ассоциация золота со светом, светлостью, огнем идет из языческой древности» [Криничная: 922].

Образ воющих ворот, в свою очередь, может складываться из образа ворот и собак-стражников, своим лаем / воем предупреждающих о прибытии путников.

Несмотря на то, что Похьёла в рунах упоминается как деревня, в орбиту повествования входит всего лишь один дом / двор с домом, хозяйственными постройками и полями, принадлежащими хозяйке Похьёлы. Это маленькая избушка (pieni pirttini), которую хозяйка топит маленькими, изящными дровишками (halkosilla hienoisilla, pienillä pilaštehilla — SKVR I₁ 58: 104–105). Медный пол избушки подметается медным / золотым веничком, мусор собирается в медную корзинку, после чего относится во двор (в вариантах — на самое дальнее / длинное поле, в самый узкий пролив), например:

“Pyuhki pikku-pirttisehe, «Прибрала свою маленькую избушку,
 Vaski lattieh lakasi Медный пол подмела
 Kolikoilla kultasilla, Голиками золотыми,
 Vaskisella varpasilla. Медными ветками.
 Vei heän rikkaha pihalla Отнесла она мусор во двор

Vaskisella vakkasella”...

В медной корзинке...»

(SKVR I, 78: 55–60).

Медные / золотые части дома и предметы быта, равно как и золотые петли на воротах Похьёлы и свечение острова золотом, указывают на принадлежность этого локуса потустороннему пространству, как уже упоминалось ранее.

Однако А.-Л. Сиикала предлагает видеть в данном отрывке руны реальные указания на богатство хозяйки Похьёлы, на основе чего проводит еще одну параллель со скандинавскими сагами, в которых описываются разорительные набеги на земли Бьярмии, манящие своими богатствами [Siikala, 2012: 291]. Финская исследовательница пишет, что «богатство хозяйки Похьёлы изображено реально, его можно измерить количеством металла и монет» («Pohjolan emännän rikkaus on realistisesti kuvattua, metallin ja kolikoiden määrällä mittautuvaa») [Siikala, 2012: 291]. Данному утверждению способствовало неверное понимание стиха «kolikoilla kultasilla», которое исследовательница истолковала как «монетами золотыми» (фин. kolikko «монета»). Однако о монетах в текстах карельских эпических рун, и именно в приведенном отрывке, нет и речи. Слово «kolikoilla» является формой адессива множественного числа от карельской лексемы kolikka — «голик» (веник из голых прутьев), что в свою очередь является русским заимствованием и переводится букв. «голиками». То есть пол в избе подметался не «монетами золотыми», а золотыми голиками, в параллельном стихе соответственно — медными ветками. Таким образом, тезис о богатстве хозяйки Похьёлы не находит подтверждения в текстах.

Представление о Похьёле как деревне (реже крепости) иногда сужается до представлений о ней как о доме:

“Läksin neittä koizjomaha

«Отправился я девушку сватать,

Pimiestä Pohjoilasta,

Из темной Похьёлы,

Miesten syövästä talosta”

Из дома, пожирающего мужей»

(SKVR I, 433: 59–61).

Как следует из примера, Похьёла — это дом, пожирающий героев. Дом как метонимический эквивалент всего поселения также наделяется чертами соотнесенности с иным миром. В текстах наличествует традиционная для карельских рун формулировка, согласно которой путники попадают в дом «без дверей, без окон» (pirttih on ovettomah, ilman ikkunatto-maha — SKVR I₁ 78: 43–44), из которого никто не возвращается:

“Äij’ on sinne männehijä,	«Многие туда ушли,
Vaan ei pois palannehia”	Но никто не вернулся»
(SKVR I ₁ 78: 41–42).	

Иное измерение, из которого нельзя вернуться, эквивалентно миру мертвых. Связь избушки «без окон, без дверей» с потусторонним миром, царством мертвых прослеживается и в русской сказочной традиции, где герой на своем пути в иное царство сталкивается с избушкой на курьих ножках, «без окон, без дверей». Согласно В. Я. Проппу, «избушка стоит на какой-то видимой или невидимой грани, через которую Иван никак не может перешагнуть. Попасть на эту грань можно только через, сквозь избушку, и избушку нужно повернуть» [Пропп, 1986: 59]. Отсутствие окон и дверей, символизируя первоначальную недоступность избы для героя, становится частью внешнего облика избы, находящейся на грани между мирами, между миром героев и Похьёлой.

Из хозяйственных построек в Похьёле упоминается амбар, в котором хозяйка хранит свои лучшие одежды, а также амбар, в котором она прячет сампо. В целом данная картина отражает облик обычной деревни: в народном сознании жизнь в ином мире ничем не отличалась от жизни в этом. Однако наличие чудесных вещей, делающих жизнь в ином мире беззаботной и изобильной, предопределяет также и наличие сакральных локусов для нахождения этих предметов. Так, по одной из версий карельского эпоса, волшебное сампо хранится в каменной горе Похьёлы:

“Saatto sitte sammon tuonne	«Доставила затем сампо туда
Pohjolan kivi mäkeen,	В каменную гору Похьёлы,

Yheksän lukun taaksi,	За девять замков,
Vaaran vaskeen takana”	В медную гору»

(SKVR I₁ 63a: 40–43).

Образ медной горы, вбирающий в себя, согласно разысканиям У. Харва, представления о мировой, центральной горе карельских рун [Harva, 1948: 48], локализуется в Похьёле, тем самым сакрализуя ее и помещая в центр Вселенной. Именно здесь происходят важные события карельского эпоса, побуждающие героев к действиям: здесь сватают невесту и выполняют свадебные задания; здесь создается сампо, обладание которым сулит вечный достаток и благоденствие. За недолгий период владения сампо Похьёла превратилась в плодородный и обеспеченный край. По одной из версий, сампо молотило муку, соль, деньги и все необходимое для жизни без нужды; там всходили и созревали все посева, и вообще краю сопутствовала всяческая удача, например:

“Kuin on sampo Pohjosessa,	«Когда сампо на Севере,
Kirjokansi kirjoeltu:	Раскрашенная расписная крышка:
Siin’ ois kyntö, siinä kylvö,	Там посева, там всходы,
Siinä vilja kaikenlainen”	Там злаки всяческие»

(SKVR I₁ 79: 194–197).

В подобных представлениях отразились чаяния карельского народа о благоденствии и сытой жизни. Похьёла, пережившая расцвет за время безраздельного владения чудесным сампо, предстает в народном сознании как страна изобилия.

Основным персонажем рассматриваемого топоса, в котором оказываются эпические герои карельского эпоса, является хозяйка Похьёлы (в вариантах баба Похьи) (Pohjolan emäntä / Pohjan akka). Отметим, что в народной эпической поэзии у хозяйки Похьёлы имени нет, тогда как в поэме «Калевала» Элиас Лённрот назвал ее Лоухи. Это имя он взял из заклинательных рун о рождении девяти болезней, матерью которых оказывается хозяйка Похьёлы с именем Лоухи, Лоухетар, Ловиатар и проч.

В народных рунах хозяйка потустороннего локуса, у которой герои сватают дочь, наделена безраздельной властью и авторитетом в своих владениях. Образ подобной правительницы уходит корнями в период матриархата, когда главенствующее положение в роду занимали женщины, управлявшие семьей, хозяйством и прислугой, решавшие судьбу дочерей на выданье и руководившие обороной своего поселения. Карельские руны рисуют противоречивый образ хозяйки Похьёлы: она и маленькая, и большая, и гостеприимная, и злобная. Черты внешнего облика (смолистые когти, большой нос), равно как и ее способность к перевоплощению в птичий облик, указывают на связь ее образа с животным, а точнее орнитоморфным миром, и институтом шаманизма (сравни: представления о птице-помощнике, в которую может при необходимости перевоплощаться шаман [Turunen: 315]).

Наряду с хозяйкой / бабой Похьёлы, в рунах встречается дед / муж / хозяин Похьёлы (Pohjan ukko / Pohjolan isäntä). В единичных случаях он просто упоминается наряду с хозяйкой Похьёлы, например:

“Uinotteli Pohjan ukon,	«Усыпил деда Похьи,
Pohjon ukom, Pohjon akan,	Деда Похьё, бабу Похьё,
Kaiken Pohjoil’am peräizen”	Всю дальнюю Похьёлу»

(SKVR I, 22: 240–242).

В одном из вариантов слепая баба и слепой дед дублируют друг друга, поочередно озвучивая условия выдачи дочери замуж (SKVR I, 24: 4–14).

Кроме хозяина и хозяйки в Похьёле живет их дочь (в одном из вариантов их три — SKVR I, 127: 84–85), которую они отдают в жены тому, кто выковал сампо (это может быть как Илмаринен, так и Вяйнямёйнен). Девушка — дева Похьёлы, как правило, без имени (редко Анни), обладает необыкновенной красотой, чем славится далеко за пределами своего края:

“Kuin on neiti pohjosessa,	«Есть девушка на севере,
Impi kylmässä kylässä,	Дева в холодной деревне,
Maan kuulu, veen valivo,	Слава земли, гордость воды,

Kiitti puoli Pohjan maata,	Хвалит ее пол-Похьи,
Lihan läpi luu näky,	Сквозь мясо кость видна,
Luun läpi yin näky”	Сквозь кость сердцевина видна»

(SKVR I₁ 79: 133–138).

В мотиве выдачи своей дочери замуж за пришельца из другого мира отражается идея экзогамных отношений, при которых нельзя брать девушек в жены из своего рода, а необходимо искать их извне. В некоторых вариантах, несмотря на всю логику повествования, согласие невесты и выполнение брачных испытаний, невеста наряду с сампо похищается.

Из других обитателей Похьёлы упоминается служанка (piika), раб / казак (orja), которых обычно посылают посмотреть, отчего лает собака.

В более общем плане упоминается народ Похьёлы, наделенный отрицательными эпитетами — плохой (noiva joukko, rahan väki — SKVR I₁ 42: 106–107), поганый (pakana kansa — SKVR I₁ 54: 237), который Вяйнямёйнен усыпляет своим трехдневным пением, игрой на кантеле либо же с помощью усыпительных иголок, например:

“Niin otti uniset nieklat,	«Вынул он сонные иглы,
Nukutteli nuuan joukon,	Усыпил усталый народ,
Paineli pakanan kansan”	Повалил поганых людей»

(SKVR I₁ 54: 235–237).

За время, пока вся Похьёла погружена в глубокий сон, происходит похищение сампо. Герои на сторогом быке выпашивают корни, которые сампо пустило глубоко в землю, затем грузят сампо в лодку и отправляются прочь от берегов Похьёлы. На третий день Похьёла, очнувшись ото сна, обнаруживает пропажу, и хозяйка Похьёлы бросается в погоню. Сначала она снаряжает корабль, который приобретает черты военного судна: в нем сто мужей с шестами, другая сотня — без шестов, тысяча — с мечами, другая — без мечей, тысяча стрелков из лука, другая — без луков (SKVR I₁ 58: 251–258).

Данные детали призваны не столько указать на многочисленное население Похьи, сколько представить гиперболизированный образ военного корабля, отправленного в погоню за похитителями. Гиперболизация образа корабля достигается также путем его сравнения с поднимающейся тучей, которую видят на горизонте похитители:

“Näky pohjasem perältä «Видно, как из дальнего конца
севера

N’iin kuin pilvi noušovakše” Как будто туча поднимается»

(SKVR I₁ 60: 134–135).

Однако корабль Похьёлы разбивается о препятствие в виде скалы-острова, которое создает Вьянмяйнен (высекает с помощью трута и огнива), заметив погоню. Тем не менее хозяйка Похьёлы продолжает преследование. Она оборачивается орлом, в описании которого применяются те же клише, что и при изображении корабля: на крыльях и хвосте орла помещаются сотни и тысячи мужей-воинов (SKVR I₁ 93: 204–206). Данный прием преувеличения, осложненный градацией по возрастанию (сто < тысяча), характеризует в первую очередь саму птицу, как отмечает В. П. Миронова [Миронова: 169]. Числа эти не отражают действительной величины и вряд ли могут быть истолкованы как отражение многочисленного населения Похьёлы.

Таким образом, можно предположить, что все население Похьёлы — это семья ее хозяйки с прислугой. Это подтверждается и текстами рун. В одном из вариантов вся Похьёла, усыпленная Вьянмяйненом, названа семьей (koko Pohjolan pereh — SKVR I₁ 50: 104). Будучи жителями локуса, осмысливаемого потусторонним, они ничем не отличаются от жителей мира поюстороннего: занимаются домашними делами, встречают гостей. Иная сторона жизни проявляется в моменты посягательства чужих на их собственность: здесь уже начинаются метаморфозы в погоне за сампо, демонстрация магической силы при выполнении свадебных заданий.

Итак, мифическая страна Похьёла в карельских рунах связывается с представлениями о далеком, мрачном, холодном

севере, в котором правит хозяйка (редко — хозяин), неизменно встречающая гостей и охраняющая свой локус и имущество. Нахождение за водной преградой, сияние золотом символизирует причастность этого локуса к потустороннему миру, традиционно отделенному от посюстороннего пространства водной стихией. Способность хозяйки Похьёлы к перевоплощению в птичий облик показывает ее связь с животным, иным миром, равно как и связь с образом шамана, способного, перевоплотившись, путешествовать из одного мира в другой. Женская природа главного персонажа Похьёлы отражает матриархальное родоплеменное устройство общества, мотив выдачи дочери замуж за представителя иного мира — отголоски экзогамных отношений. В целом, путешествие в мифическую страну Похьёлу с разными целями (случайное попадание, изготовление сампо, похищение сампо, сватовство) наиболее часто встречается в рунической поэзии северных карелов. В южной Карелии был преимущественно распространен сюжет о сватовстве в Хийтоле, имеющий много общего с севернокарельским вариантом. Похьёла, в народном сознании ассоциируемая с далеким, потусторонним (реже — загробным) миром, страной изобилия, вписывается в представления о горизонтальном устройстве мироздания, где локусы находятся в одной плоскости и разделены отрезком пути, водоразделом.

Примечания

- * Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания Карельского научного центра РАН (проект АААА-А18-118030190094-6).
- ¹ Карело-финский народный эпос: в 2 кн. / сост., вступ. ст., пер., прим. В. Я. Евсеева. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994. Кн. 1. 476 с.; Кн. 2. 510 с.; Карельские эпические песни / предисл., подгот. текстов и коммент. В. Я. Евсеева. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 526 с.; Karjalan kansan runot. Kokoonpannut V. Jevsejev. Tallinn: Eesti Raamat, 1976. I. 360 s. 1980. II. 181 s.; Suomen Kansan Vanhat Runot. I–XV. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia, 1908–1997.
 - ² Здесь и далее перевод с финского и карельского языков выполнен автором статьи.
 - ³ Здесь и далее ссылки на сборник «Suomen Kansan Vanhat Runot» приводятся в тексте статьи с использованием сокращения SKVR и указанием римской цифрой номера тома, нижним индексом — номера книги тома,

далее указываются номер текста и номера стихов в круглых скобках.

- ⁴ Здесь и далее ссылки на сборник «Карельские эпические песни» (КЭП) приводятся в тексте статьи с указанием номера текста и номера стихов в круглых скобках.

Список литературы

1. Иванова Л. И. Тапиола и Хийтола: два лесных царства карельской мифологии // Рябининские чтения — 2011: материалы VI конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера (12–17 сентября 2011 г.). — Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. — С. 55–59.
2. Карху Э. Г. Карельский и ингерманландский фольклор в историческом освещении. История литературы Карелии. — СПб.: Наука, 1994. — Т. 1. — 240 с.
3. Киуру Э. С. Тема добывания жены в эпических рунах: К семантике поэтических образов. — Петрозаводск: КНЦ РАН, 1993. — 132 с.
4. Криничная Н. А. Русская мифология: Мир образов фольклора. — М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2004. — 1008 с.
5. Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса: Ранние формы и архаические памятники. — М.: Восточная литература, 1963. — 462 с.
6. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. 3-е изд., репринт. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. — 407 с.
7. Миронова В. П. Сюжет о сватовстве в мифической стране Хийтоле в контексте карельской эпической традиции. — Петрозаводск: Периодика, 2016. — 224 с.
8. Неклюдов С. Ю. Поэтика эпического повествования: пространство и время. — М.: Форум, 2015. — 216 с.
9. Пропп В. Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи. — М.: Искусство, 1976. — 330 с.
10. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. — 364 с.
11. Anttonen V. Pyhän patsaan arvoitus — selitys sammolle? // Kalevalaseuran vuosikirja. — Pieksämäki: RT-Print Osakeyhtiö, 2002. — No. 79–80. — S. 123–143.
12. Anttonen V. The Sampo as a Mental Representation of the Mythic Origin of Growth. Towards a New Comprehensive Theory // Mythic Discourses. Studies in Uralic Traditions / ed. by Frog, A.-L. Siikala & E. Stepanova. — Helsinki: Finnish Literature Society, 2012. — P. 171–187.
13. Friis J. A. Lappalaisten noitarummusta ja Kalevalan Sammosta // Kirjallinen Kuukauslehti. — Helsinki: Otava, 1869. — No. 7–10. — S. 219–226.
14. Frog. Confluence, Continuity and Change in the Evolution of Mythology. The Case of the Finno-Karelian Sampo-Cycle // Mythic Discourses. Studies in Uralic Traditions / ed. by Frog, A.-L. Siikala & E. Stepanova. — Helsinki: Finnish Literature Society, 2012. — P. 205–254.

15. Harva U. Sammon ryöstö. — Porvoo: Werner Söderström Osakeyhtiö, 1943. — 143 s.
16. Harva U. Mikä on Kalevalan Pohjola? // Virittäjä. — Helsinki: Kotikielen Seura, 1947. — No. LI. — S. 114–129.
17. Harva U. Suomalaisten muinaisusko. — Porvoo; Helsinki: Werner Söderström Osakeyhtiö, 1948. — 519 s.
18. Kempainen I. Suomalaisten muinaisrunojen Pohjola. — Helsinki: Kirja-Mono OY, 1956. — 95 s.
19. Krohn J. Suomalaisen kirjallisuuden historia I. Kalevala. — Helsinki: Weilin & Göös, 1885. — 612 s.
20. Krohn K. Kalevalan runojen historia. — Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia, 1903. — 895 s.
21. Krohn K. Kalevalankysymyksiä: Opas Suomen Kansan Vanhojen Runojen tilaajille ja käyttäjille ynnä suomalaisen kansanrunouden opiskelijoille ja harrastajille. — Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia, 1918. — 256 s.
22. Kuusi M. Sampo-eepos. Typologinen analyysi. — Helsinki: Suomalais-ugrilaisen seuran toimituksia XCVI, 1949. — 368 s.
23. Lid N. Kalevalan Pohjola // Kalevalaseuran vuosikirja. — Porvoo; Helsinki: Werner Söderström Osakeyhtiö, 1949. — No. 29. — S. 104–120.
24. Luukko A. Etelä-Pohjanmaan keskiaika. — Helsinki: [s. n.], 1949. — 235 s.
25. Okkonen O. Lisiä Sammon ja Samporunun selvitykseen // Kalevalaseuran vuosikirja. — Helsinki: Werner Söderström Osakeyhtiö, 1933. — No. 13. — S. 34–70.
26. Setälä E. N. Sammon arvoitus. — Helsinki: Otava, 1932. — 654 s.
27. Siikala A.-L. Myyttinen Pohjola // Kalevalaseuran vuosikirja. — Helsinki: Mäntän Kirjapaino Osakeyhtiö, 1986. — No. 66. — S. 82–85.
28. Siikala A.-L. Suomalainen šamanismi: mielikuvien historiaa. — Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia, 1992. — 359 s.
29. Siikala A.-L. Itämerensuomalaisten mytologia. — Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia, 2012. — 536 s.
30. Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja / päätoim. U.-M. Kulonen. — Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia, 1995. — Osa 2. — 470 s. — SSA
31. Tarkka L. Rajarahvaan laulu. Tutkimus Vuokkiniemen kalevalamittaisesta runokulttuurista 1821–1921. — Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia, 2005. — 534 s.
32. Tarkka L. The Sampo. Myth and Vernacular Imagination // Mythic Discourses. Studies in Uralic Traditions / ed. by Frog, A.-L. Siikala & E. Stepanova. — Helsinki: Finnish Literature Society, 2012. — P. 143–170.
33. Turunen A. Kalevalan sanakirja. — Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia, 1949. — 350 s.

Maria V. Kundozerova
(Petrozavodsk, Russian Federation)
maria.vlasova@mail.ru

The Image of a Mythical Country Pohjola in Karelian Epic Runes

Acknowledgments. The financial support for the research was carried out from the federal budget for the fulfillment of the state order (project № AAAA-A18-118030190094-6).

Abstract. The article considers the mythological sources of Pohjola image and contains a holistic description of this locus based on all available versions of epic runes. The Kalevala metric runes (234 texts) gathered in different years in Karelia and published in several collections, are used as a research material. The history of studying of the storyline of the trip to Pohjola, in one way or another touched upon in the works of foreign and Russian researchers, is described in the article. The textological and structural-semantic analysis of folklore texts, some of which form part of Lönnrot's Kalevala, made it possible to reveal the entire polysemy of the image under consideration. The study indicated that Pohjola is identified with a far, transcendental world, the realm of the dead and the land of exuberancy. The talent of the mistress of Pohjola to become a bird alludes to her connection with the animal world, as well as the connection with the image of a shaman who in the likeness of a bird is able to travel from one world to another. The female nature of the main character of Pohjola reflects the matriarchal tribal system of society, and the motif of giving her daughter in marriage to a representative of another world — reveals the echoes of exogamous relations. Pohjola is localized in the spatial plane mainly separated by the watershed that fits into the concept of a horizontal arrangement of the Universe.

Keywords: karelian epic, mythology, the other world, image of Pohjola, sampo, Väinämöinen

About the author: *Kundozerova Maria V.* — PhD in Philology, Researcher of Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (ul. Pushkinskaya 11, Petrozavodsk, Respublika Karelia, 185000, Russian Federation)

Received: January 20, 2019

Date of publication: June 28, 2019

For citation: Kundozerova M. V. The Image of a Mythical Country Pohjola in Karelian Epic Runes. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2019, vol. 17, no. 2, pp. 7–29. DOI: 10.15393/j9.art.2019.6502 (In Russ.)

References

1. Ivanova L. I. Tapiola and Hiitola: Two Forest Kingdoms in Karelian Mythology. In: *Ryabininskie chteniya — 2011: materialy VI konferentsii po izucheniyu i aktualizatsii kul'turnogo naslediya Russkogo Severa [Ryabinin Readings — 2011: Materials of the 6th Conference on the Study and Actualization of the Cultural Heritage of the Russian North]*. Petrozavodsk, Karelian Research

- Centre of the Russian Academy of Sciences Publ., 2011, pp. 55–59. (In Russ.)
2. Karkhu E. G. *Karel'skiy i ingermanlandskiy fol'klor v istoricheskom osveshchenii. Istoriya literatury Karelii [Karelian and Ingermanland Folklore in the Light of History. History of Karelian Literature]*. St. Petersburg, Nauka Publ., 1994, vol. 1. 240 p. (In Russ.)
 3. Kiuru E. S. *Tema dobyvaniya zheny v epicheskikh runakh: K semantike poeticheskikh obrazov [The Theme of the Conquering of a Wife in Epic Runes: on the Semantics of Poetic Images]*. Petrozavodsk, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences Publ., 1993. 132 p. (In Russ.)
 4. Krinichnaya N. A. *Russkaya mifologiya: Mir obrazov fol'klora [Russian Mythology: the World of Folklore Images]*. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., Gaudeamus Publ., 2004. 1008 p. (In Russ.)
 5. Meletinskiy E. M. *Proiskhozhdenie geroicheskogo eposa: Rannie formy i arkhaiskie pamyatniki [The Origin of a Heroic Epos. Early Forms and Archaic Monuments]*. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1963. 462 p. (In Russ.)
 6. Meletinskiy E. M. *Poetika mifa [The Poetics of a Myth]* (Reprint Edition). Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2000. 407 p. (In Russ.)
 7. Mironova V. P. *Syuzhet o svatovstve v mificheskoy strane Hiytole v kontekste karel'skoy epicheskoy traditsii [The Plot of Matchmaking in the Mythical Country of Hiitola in the Context of the Karelian Epic Tradition]*. Petrozavodsk, Periodika Publ., 2016. 224 p. (In Russ.)
 8. Neklyudov S. Yu. *Poetika epicheskogo povestvovaniya: prostranstvo i vremya [The Poetics of an Epical Narration: Space and Time]*. Moscow, Forum Publ., 2015. 216 p. (In Russ.)
 9. Propp V. Ya. *Fol'klor i deystvitel'nost'. Izbrannye stat'i [Folklore and Reality. Selected Articles]*. Moscow, Iskustvo Publ., 1976. 330 p. (In Russ.)
 10. Propp V. Ya. *Istoricheskie korni volshebnoy skazki [The Historical Roots of a Magic Fairy Tale]*. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1986. 364 p. (In Russ.)
 11. Anttonen V. Pyhän patsaan arvoitus — selitys sammolle? [Riddle of the Holy Statue — Explanation for the Sampo?]. In: *Kalevalaseuran vuosikirja [Kalevala Society Yearbook]*. Pieksämäki, RT-Print Osakeyhtiö Publ., 2002, no. 79–80, pp. 123–143. (In Finnish)
 12. Anttonen V. The Sampo as a Mental Representation of the Mythic Origin of Growth. Towards a New Comprehensive Theory. In: *Mythic Discourses. Studies in Uralic Traditions*. Helsinki, Finnish Literature Society Publ., 2012, pp. 171–187. (In English)
 13. Friis J. A. Lappalaisten noitarummusta ja Kalevalan Sammosta [Lappish witch Drum and the Kalevala's Sampo]. In: *Kirjallinen Kuukauslehti [Written Monthly Journal]*. Helsinki, Otava Publ., 1869, no. 7–10, pp. 219–226. (In Finnish)
 14. Frog. Confluence, Continuity and Change in the Evolution of Mythology. The Case of the Finno-Karelian Sampo-Cycle. In: *Mythic Discourses. Studies in Uralic Traditions*. Helsinki, Finnish Literature Society Publ., 2012, pp. 205–254. (In English)
 15. Harva U. *Sammon ryöstö [The Theft of the Sampo]*. Porvoo, Werner Söderström

- Osakeyhtiö Publ., 1943. 143 p. (In Finnish)
16. Harva U. Mikä on Kalevalan Pohjola? [What's Pohjola of the Kalevala?]. In: *Virittäjä [Tuner]*. Helsinki, Kotikielen Seura Publ., 1947, no. 51, pp. 114–129. (In Finnish)
 17. Harva U. *Suomalaisten muinaisusko [The Finnish Ancient Religion]*. Porvoo, Helsinki, Werner Söderström Osakeyhtiö Publ., 1948. 519 p. (In Finnish)
 18. Kemppinen I. *Suomalaisten muinaisrunojen Pohjola [Pohjola of Finnish Ancient Poems]*. Helsinki, Kirja-Mono OY Publ., 1956. 95 p. (In Finnish)
 19. Krohn J. *Suomalaisen kirjallisuuden historia I. Kalevala [A History of Finnish Literature I. Kalevala]*. Helsinki, Weilin & Göös Publ., 1885. 612 p. (In Finnish)
 20. Krohn K. *Kalevalan runojen historia [A History of the Poems of the Kalevala]*. Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia Publ., 1903. 895 p. (In Finnish)
 21. Krohn K. *Kalevalankysymyksiä: Opas Suomen Kansan Vanhojen Runojen tilaajille ja käyttäjille ynnä suomalaisen kansanrunouden opiskelijoille ja harrastajille [The Kalevala Questions: a Guide for Subscribers and Users of Ancient Poems of the Finnish People and for Students and Enthusiasts of Finnish Folk Poetry]*. Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia Publ., 1918. 256 p. (In Finnish)
 22. Kuusi M. *Sampo-epos. Typologinen analyysi [Sampo-epos. Typological Analysis]*. Helsinki, Suomalais-ugrilaisen seuran toimituksia XCVI Publ., 1949. 368 p. (In Finnish)
 23. Lid N. Kalevalan Pohjola [Pohjola of the Kalevala]. In: *Kalevalaseuran vuosikirja [Kalevala Society Yearbook]*. Porvoo, Helsinki, Werner Söderström Osakeyhtiö Publ., 1949, no. 29, pp. 104–120. (In Finnish)
 24. Luukko A. *Etelä-Pohjanmaan keskiaika [Southern Ostrobothnia in the Middle Ages]*. Helsinki, 1949. 235 p. (In Finnish)
 25. Okkonen O. Lisiä Sammon ja Samporunon selvitykseen [More on the Sampo and the Sampo Cycle's Investigation]. In: *Kalevalaseuran vuosikirja [Kalevala Society Yearbook]*. Helsinki, Werner Söderström Osakeyhtiö Publ., 1933, no. 13, pp. 34–70. (In Finnish)
 26. Setälä E. N. *Sammon arvoitus [The Riddle of the Sampo]*. Helsinki, Otava Publ., 1932. 654 p. (In Finnish)
 27. Siikala A.-L. Myyttinen Pohjola [Mythical Pohjola]. In: *Kalevalaseuran vuosikirja [Kalevala Society Yearbook]*. Helsinki, Mäntän Kirjapaino Osakeyhtiö Publ., 1986, no. 66, pp. 82–85. (In Finnish)
 28. Siikala A.-L. *Suomalainen šamanismi: mielikuvien historiaa [Finnish Shamanism: the History of Images]*. Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia Publ., 1992. 359 p. (In Finnish)
 29. Siikala A.-L. *Itämerensuomalaisten mytologia [Baltic-Finnish Mythology]*. Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia Publ., 2012. 536 p. (In Finnish)
 30. *Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja [The Origins of the Finnish Words. An Etymological Dictionary]*. Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia Publ., 1995, vol. 2. 470 p. (SSA) (In Finnish)

31. Tarkka L. *Rajarahvaan laulu. Tutkimus Vuokkiniemen kalevalamittaisesta runokulttuurista 1821–1921* [*Songs of the Border People. The Kalevala-metre Poetry in the Vuokkiniemi Parish 1821–1921*]. Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia Publ., 2005. 534 p. (In Finnish)
32. Tarkka L. The Sampo. Myth and Vernacular Imagination. In: *Mythic Discourses. Studies in Uralic Traditions*. Helsinki, Finnish Literature Society Publ., 2012, pp. 143–170. (In English)
33. Turunen A. *Kalevalan sanakirja* [*Kalevala Dictionary*]. Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia Publ., 1949. 350 p. (In Finnish)